Вокруг сада шла живая изгородь из орешника; за нею начинались поля и луга, где паслись коровы и овцы. Посреди сада цвёл розовый куст; под ним сидела улитка. Она была богата внутренним содержанием — она содержала самое себя.

— Постойте, придёт и моё время! — сказала она — Я дам миру кое-что поважнее этих роз, орехов или молока, что дают коровы и овцы!

— Я многого ожидаю от вас! — сказал розовый куст. — Позвольте же узнать, когда это будет?

— Время терпит! Это вот вы всё спешите! А спех ослабляет впечатление!

На другой год улитка лежала чуть ли не на том же месте, на солнышке, под розовым кустом, снова покрытым бутонами; бутоны распускались, розы цвели, отцветали, а куст выпускал всё новые и новые.

Улитка наполовину выползла из раковины, вытянула рожки и опять подобрала их.

— Всё то же да то же! Ни шагу вперёд! Розовый куст остаётся при своих розах; ни на волос не подвинулся вперёд!

Лето прошло, настала осень, розовый куст цвёл и благоухал, пока не выпал снег. Стало сыро, холодно, розовый куст пригнулся к земле, улитка уползла в землю.

Опять настала весна, снова зацвели розы, и выползла улитка.

— Теперь вы уж стары! — сказала она розовому кусту. — Пора бы вам и честь знать! Вы дали миру всё, что могли дать; многое ли — это вопрос, которым мне некогда заниматься. А что вы ровно ничего не сделали для своего внутреннего развития — это ясно! Иначе из вас вышло бы кое-что другое. Что вы скажете в своё оправдание? Вы скоро, ведь, обратитесь в палку! Понимаете вы, что я говорю?

— Вы меня пугаете! — сказал розовый куст. — Я никогда об этом не думал!

— Да, да, вы, кажется, мало затрудняли себя думаньем! А вы пробовали когда-нибудь заняться этим вопросом, дать себе отчет — почему собственно вы цветёте и как это происходит, почему так, а не иначе?

— Нет! — сказал розовый куст. — Я радовался жизни и цвёл, — я не мог иначе! Солнце так грело, воздух так освежал меня, я пил живую росу и обильный дождь, я дышал, я жил! Силы подымались в меня из земли, вливались из воздуха, я жил полною жизнью, счастье охватывало меня, и я цвёл, — в этом была моя жизнь, моё счастье, я не мог иначе!

— Да, вы таки жили — не тужили, нечего сказать!

— Да! Мне было дано так много! — сказал розовый куст. — Но вам дано ещё больше! Вы одна из глубокомыслящих, высокоодарённых натур!.. Вы должны удивить мир!

— Была охота! — сказала улитка. — Я знать не знаю вашего мира! Какое мне до него дело? Мне довольно самой себя!

— Да, но мне кажется, что все мы обязаны делиться с миром лучшим, что есть в нас!.. Я мог дать миру только розы!.. Но вы? Вам дано так много! А что вы дали миру? Что вы дадите ему?

— Что я дала? Что дам?! Плюю я на него! Никуда он не годится! И дела мне нет до него! Снабжайте его розами — вас только на это и хватит! Пусть себе орешник даёт ему орехи, коровы и овцы — молоко, — у них своя публика! Моя же — во мне самой! Я замкнусь в себе самой и — баста! Мне нет дела до мира!

И улитка заползла в свою раковину и залепилась там.

— Как это грустно! — сказал розовый куст. — А я так вот и хотел бы, да не могу замкнуться в самом себе; у меня всё просится наружу, я должен цвести! Розы мои опадают и разносятся по ветру, но я видел, как одну из них положила в молитвенник мать семейства, другую приютила у себя на груди прелестная молодая девушка, третью целовали улыбающиеся губки ребёнка!.. И я был так счастлив! Вот мои воспоминания; в них — моя жизнь!

И розовый куст цвёл и благоухал, полный невинной радости и счастья, а улитка тупо дремала в своей раковине, — ей не было дела до мира.

Года шли за годами.

Улитка стала землёй в земле, розовый куст стал землёй в земле, роза воспоминания истлела в молитвеннике… Но в саду цвели новые розовые кусты, под ними ползали новые улитки; они заползали в свои домики и плевались, — им не было дела до мира!

Не рассказать ли эту историю сначала? — Она не меняется!